

БУРЕЛОМЫ ИЛИ ДЕВУШКА С КУВШИНОМ

Всю ночь нестерпимо болело левое колено. Мой биологический барометр не обманул – к утру завьюжило. Февраль в наших краях суров. Вот и сейчас ветер швыряет в окно пригоршни снега, хлопает форточкой, стучит по балкону оторванным кабелем чей-то телевизионной антенны.

Странно устроена человеческая душа – метель, непогода, колючий ветер, а на душе восторг сродни вдохновению. Сбросить бы сейчас десяток лет, да эту боль в колене - схватил бы шапку в охапку и на лыжню!.. Кстати, сегодня пятница, надо бы позвонить моему хорошему другу Володе Фирсову да попроситься на баньку.

Живёт Володя в Сосновке, на самой окраине деревни, недалеко от озера Хрустального. Рядом сосновый бор. Тянется он вдоль берега до самой сопки Медвежьей. Хозяйство у Фирсова крепкое. На просторном подворье ладно срубленный дом, отменная банька из бруса и гараж на две машины. Гараж пришлось расширять для нового приобретения – армейского джипа ГАЗ-69, который разработали ещё при жизни Сталина. Помог приобрести этого монстра советского автопрома закадычный друг Володи из города Нижнекамска Павел Гаврилов.

Машина была на ходу, и Сергеич без особых приключений перегнал её в Сосновку из соседней области. С этим ГАЗиком мы возились с апреля месяца прошлого года до поздней осени. Зато к зиме Фирсов был на лихом коне. Вездеход выглядел так, как будто он только что сошёл с конвейера горьковского автозавода. Теперь в «конюшне» Сергеича стало веселей. ГАЗик слегка потеснил «заряженную» по боевому «шестёрку», над которой мы тоже немало потрудились. Равной Володиной «шохе» ещё не было, по крайней мере, в нашем городе Павловске.

Но не только любовь к автоделу объединяет нас: Фирсов – поэт, не без Божьей искры. Автор четырёх поэтических сборников. По профессии художник-монументалист. Учился у самого Варшавского. Любимый Володин материал – дерево. Почти половину дома занимает мастерская. Здесь пахнет стружкой, кедровым лаком, клеем и масляными красками. Фирсов – творец. Его творчество понятно и доступно. В свои произведения он вкладывает всё: душу, сердце, судьбу, всё что болело, мучило и мешало спать ночами.

Наверное, он был несчастен в семейной жизни, если в середине девяностых оставил шикарную городскую квартиру жене и, прихватив с собой самое необходимое, уехал в Сосновку. Подробности резкого поворота в судьбе Фирсова мне не известны. Сам он не любит вспоминать о своём уходе, а я не лезу к нему с ненужными вопросами.

По натуре Володя человек весёлый. Прекрасно рисует тушью дружеские шаржи, пишет меткие эпиграммы. Есть даже пара сатирических повестей.

Сергеич не только хорошо работает, но и хорошо отдыхает – с пользой для здоровья. Каждый год, в конце лета, он гостит у своего друга Гаврилова, в Нижнекаменске – небольшом городке, окружённом синими сопками и прозрачными озёрами. У Гаврилова есть собственный дом с большим приусадебным участком. В сентябре Володя привозит домой в багажнике своего «жигуля» огромные арбузы, сладкие перцы, виноград и душистый мёд. Но главное – это увлечение старых друзей охотой и рыбалкой. Обычно Сергеич в конце августа тщательно готовит свою «шестёрку» к рейсу в Нижнекаменск. Хотя по нынешним меркам 750 вёрст по трассе не такой уж долгий путь.

При всей открытости Фирсова, в его дружбе с Павлом Васильевичем Гавриловым я усмотрел некую странность. О Гаврилове Володя рассказывал много. Во-первых, Паша Гаврилов – потомок первых поселенцев с Украины, очень гостеприимный и радушный мужик. Во-вторых, автор многих стихотворных книг. К тому же страстный охотник, рыбак и пчеловод. Много забавных охотничьих историй от Гаврилова рассказал мне Фирсов, но за всё время нашего знакомства, ни разу не упомянул о творчестве своего друга. Зная характер Володи, я терпеливо ждал, когда приоткроется занавес таинственности над творчеством певца полей, и Фирсов сам познакомит меня со стихами Гаврилова.

Всё разрешилось само собой. В прошлую субботу я позвонил Володе и, как обычно, напросился на баньку. Погода стояла что надо – «мороз и солнце». Захватив с собой пару дубовых веников и любимый Володи чай с бергамотом (который, честно говоря, я ненавижу), отправился в Сосновку.

Когда город остался позади, зазвонил мобильник:

- Семён, я баню затопил, ты дров подбрось, присмотри, в общем.

В доме поставь на печку суповую кастрюлю, воды налей до половины.

Я скоро буду, дела, брат. Ключи на старом месте.

Телефон отключился. Я прибавил скорость и минут через сорок уже въезжал на расчищенную от снега площадку возле дома. Стайка воробьёв с чириканьем слетела со старой вишни возле забора. Полуденное солнце в морозной дымке лениво освещало двор. Тянуло дымком. Первым делом я направился к бане. Зашёл в предбанник и с наслаждением втянул в себя духмяный запах разогретого дерева и распаренного дубового веника, всей душой предвкушая предстоящую банную процедуру. Управившись с топкой, убедился, что через часок парная будет готова.

Теперь можно было идти в дом. Без труда найдя ключ на прежнем месте за наличником окна, отворил дверь. Огонь в печи еле тлел. Пошуровав в топке кочергой, подбросил дровишек. Сухие поленья занялись пламенем и весело затрещали. Поставил большую кастрюлю с водой на печь. Больше делать было нечего.

Я сел на табуретку и оглядел небольшую уютную кухню. Взгляд мой привлекла оставленная на подоконнике книжка в яркой глянцевой обложке. Это был сборник стихов Павла Гаврилова. Пододвинув табуретку к окну, я не без любопытства раскрыл книжку. На меня смотрел симпатичный мужчина с крупными чертами лица, лет 45. Пышные усы обрамляли волевой рот. Взгляд тёмных глаз был по-доброму открытым и немного насмешливым, выдавая уверенного в себе человека. Надпись под фотографией сообщала, что Павел Васильевич Гаврилов является членом Союза писателей России, автором 18 поэтических сборников, и что в настоящий сборник «Озноб» вошли стихотворения уже завоевавшие читательскую признательность, а так же стихи ранее не публиковавшиеся.

Я перелистнул несколько страниц и начал читать:

Саночки

Долгим зимним вечером

Я пишу стихи.

«Может, делать нечего?» -

Спросят мужики.

Ну, конечно, нечего –

Дров я нарубил.

А вчера до вечера

Санки мастерил.

*И теперь на саночках
Воду я вожу,
И на наших паночек
Весело гляжу.*

В недоумении полистал снова и раскрыл наугад:

Сало

*Сало любит каждый, знаю.
И морозною зимой
Я от сала угораю,
Наливай-ка по второй!*

*Щедро режь с прослойкой ломтик
И на чёрный хлеб клади.
Нет продукта благородней,
Хоть всю землю обойди!*

Со смутным предчувствием чего-то нехорошего я перелистывал страницу за страницей. Казалось, что это чья-то злая шутка, или я нахожусь в нереальном мире «страны дураков». Вернулся опять к началу сборника и ещё раз прочитал дарственную надпись: «Володьке Фирсову, моему другу и мастеру «золотые руки» от всего сердца на память». Дальше шла дата и размашистая роспись. Может быть, в этот сборник вошли ранние стихи Гаврилова? – подумал я и вновь раскрыл книгу почти в самом конце:

Злыдни

*Завывают ветры,
А в сенях темно.
Мне на километры
Видеть суждено.*

*Вижу как грохочут
С грузом поезда,
И гореть не хочет
Яркая звезда.*

*Выйду я до ветру,
Жуть вокруг стоит.
Восемнадцать метров
Путь мне предстоит*

*Мне совсем не страшно,
Я привык уже
Видеть как ужасны
Злыдни в кураже.*

Под стихотворением стояла дата: 25.10.2010 г. В надежде отыскать хоть пару стихотворений достойных звания члена СП, я раскрыл сборник на середине. Первая строчка стихотворения «Буреломы» вернула меня к реальности и рассмешила до слёз, но, дочитав до конца этот «шедевр» гражданской лирики, я вновь впал в уныние.

Буреломы

*Буреломы в тайге – это гномы.
В кабинеты чинуш не пройдёшь!
Вам такие наставят заслоны,
Хоть ложись помирать ни за грош.*

*Здесь законы работают чётко –
Под себя их чиновник создал.
Чтоб машина и дача, и тёща,
Чтоб безбедно жила за квартал.*

*Можно в доме, конечно, жить с тёщей,
Только дом должен быть, как дворец.
И деньжат чтобы было побольше,
А мужик – загибайся в конец...*

Дальше читать было невыносимо, поэтому я решил заглянуть в исходящие данные. Выяснилось, что книга была отпечатана в издательстве «Скрижаль» нашего славного города Павловска тиражом в 3 000 экземпляров – непозволительная роскошь в наше время. Редактором книги значился небезызвестный в литературных кругах прозаик и поэт Степан

Чигирёв – бездарная личность, по мнению многих. Здесь сотрудничество Гаврилова и Чигирёва вполне объяснимо, но что общего у Фирсова с этими людьми? Вернее, с одним из них?

Обременённый тяжкими раздумьями, я сунул ноги в рабочие Володины валенки, накинул овчинный полушубок и пошёл проверить баньку. С севера натянуло какую-то хмарь. Солнечный диск еле пробивался сквозь пелену облаков.

В предбаннике, скинув полушубок на топчан, я открыл топку и подбросил несколько берёзовых поленьев. Термометр показывал +130 градусов. Парная была готова. Я прилёг на расстеленный полушубок и стал слушать простые, но такие проникновенные и милые сердцу звуки! Потрескивали дрова в печи, басовито гудела закипающая в баке вода, за стенкой шумел ветер, шелестя несброшенной листвой молодых дубков у озера, по льду которого уже мела позёмка. Под эту ни с чем не сравнимую мелодию я задремал. Снились мне страшные клыкастые вепри, бородатые мужики с берданками и вилами. То ли охотники, то ли партизаны времён гражданской войны...

Разбудил меня громкий голос:

- Рота, подъём!

Ничего не соображая спросонок, я свалился с лавки вместе с полушубком, вскочил на ноги и устоял на запорошенном снегом Фирсова.

- Вот и доверяй таким как ты хозяйство! – продолжал греметь тот. - Вода в кастрюле выкипела, двери нараспашку, бери что хочешь и уходи!

- Обижаешь, Сергеич! Кастрюлю я на край отодвинул, а воров здесь вроде не было никогда. Ты сам говорил, что зона пограничная, чужие не ходят.

- Ладно, пошли в дом!- Помягчел Фирсов. - Сколько дней у нас до Великого поста осталось?

- Да недели две с небольшим.

- Вот-вот. Надо сил набираться. Я в этом году решил ни грамма скоромной пищи в пост. Себя соблюсти хочу, да и Богу послужить надобно.

Мы вышли во двор. Володя вытащил из машины увесистый мешок, крепко завязанный тесьмой:

- Вот, гостинец от Пашки. Еле к поезду успел. Гаврилов как всегда в своём репертуаре – позвонить «жаба» давит, так он мне СМСку отправил под самый занавес: «Встречай Московский. Вагон 9. Проводница Светка». Пришлось еще Светке 500 рэ отстегнуть за доставку. Я в мешок-то заглядывал

– изюбятинка, филейная часть. Давай ныряй в подполье за картошкой, да захвати пару крупных морковок, а я пока мясо нарублю.

Сбросив остатки сна, я полез в погреб. Всё у Фирсова в идеальном порядке: морковка – в сухом песке, картошка в специальном ларе. На полках тускло поблёскивали банки с разносолами. Набрав картошки и прихватив несколько морковок, я выбрался из прохладного погреба. Сергеич тщательно мыл мясо в никелированном тазу.

- Семён, быстренько чисти овощи. Мы с тобой сейчас такую шурпу заварим – за уши не оттянешь. Я тут по пути в наш сельский «Супермаркет» заехал, перчика взял душистого, и молотого, и горошком, а то у меня закончился. Ты ж только чай привозишь да веники дубовые.

- Опять, Сергеич, обижаешь. Откуда мне знать, что у тебя перец чёрный закончился?

- Да шучу я, Сёма, шучу. Хороший ты мужик, только шуток не понимаешь. А ты, я вижу, Пашку Гаврилова читал? – Володя кивнул на оставленный мною на столе сборник стихов. – Ну и как тебе наш пиит, обалдеваешь?

- Ты меня, конечно, прости, Володя. Я что-то вообще в последнее время частенько стал обалдевать, и перестал что-либо понимать в литературе. Но тебе честно скажу – бред сивой кобылы стихи твоего друга!

- Ладно, Семён. Не кипятись. Ты впервые с его творчеством столкнулся, а я без малого тридцать лет этот бред, скрипя зубами, терплю. Мы ж православные, терпеть должны немощи друг друга.

- А ты Божий дар с яичницей не путай. Поэзия она либо есть, либо её вовсе нет. Сам знаешь.

- Нельзя, Семён, быть таким категоричным. Пашка – человек добрый и правильный. Можно сказать, наш человек. Но в поэзии, конечно, типичный графоман. Мы сейчас поставим мясо вариться и пойдём как следует попаримся да грехи смоем. А по ходу дела я тебе расскажу очень интересную историю, как Пашку Гаврилова принимали в Союз писателей. Двадцать лет прошло, но такой случай забыть трудно.

Сергеич отрезал две огромные луковицы от косы, висевшей сбоку посудного шкафа и стал их чистить над пластиковой миской, пояснив мне, что луковую шелуху собирает для окраски яиц на Пасху и никакого другого красителя не признаёт. Все овощи были нарезаны кубиками и приготовлены для варки. Поставив кастрюлю с мясом ближе к краю плиты, мы отправились париться.

Снегопад почти прекратился, лишь редкие снежинки медленно кружась опускались на землю. В сумерках, занесённый снегом сад, напоминал причудливую театральную декорацию. Нетерпелось поскорей забраться на верхнюю полку парилки. Баню Фирсов строил по собственному проекту. Предбанник служил одновременно раздевалкой и комнатой отдыха, где за чайным столиком свободно могла разместиться компания из 4-5 человек. Здесь же стояли две удобные лавки для отдыха и широкий топчан, на котором я заснул, слушая завывание ветра в ночной трубе. В моечной – два крана с холодной и горячей водой. Что касается главного отделения – парной, то здесь мне трудно подобрать слова. Одна местная поэтесса, побывав в этой парилке, выразила свои чувства анапестом.

У Фирсова везде свободное пространство стен органично заполнено резьбой по дереву. Даже в гараже висит несколько барельефов из капа. В бане, над вешалкой, на всю длину стены красуется фриз с забавными сюжетами из крестьянской жизни. Здесь и бородатые мужики с пивными кружками, и лесорубы с топорами, и бабы с коромыслами, идущими по воду, и коровы, пасущиеся на лугу. Фриз сделан из кедра, тонированного под красное дерево. Всё это создаёт неповторимую обстановку тепла и уюта.

Сделав по два захода в парную, сели к столу пить чай. С наслаждением отхлебнув несколько глотков, Володя начал свой рассказ:

- С Пашкой я познакомился в стройотряде. Он тоже наш институт заканчивал, только на другом факультете. Стихи вечером возле костра читали. А ведь тогда он хорошо писал, напористо, авангардно. Это его Чигирёв испортил, под свой стандарт подогнал. Всё подхвалял Пашку. А может быть, бездарному Чигирёву на самом деле нравились Пашкины стихи? Жаль, что тогда наши пути разошлись. Нет, мы не вели литературных споров, просто Пашка окончил ВУЗ и уехал к себе на родину. Правда, связи не теряли, регулярно переписывались. Позже, когда у нас наступило горбачёвское потепление, я часто мотался далеко на юг мимо Пашкиного Нижнекаменска. Ну и, конечно, заезжал к нему в гости. Благодатная у них область – охота, рыбалка. Места заповедные, дичь непуганая. Это у нас на одну утку двадцать стволов со всех сторон.

Вскоре Пашка женился. Я тогда не смог на свадьбу приехать. Потом Гаврилов со своей молодой женой Антониной ко мне в гости приехал. Красавица она у него и по характеру добрая. Нарожала ему деток, два мальчика и две девочки-близняшки. Сейчас дети уже выросли, давно из

дома упорхнули... Ну что, Семён, по последнему заходу? Изюбятину, поди, готова, как думаешь?

- Да я не думаю, как скажешь – так и будет. Я ж человек военный. Только после твоей бани кроме чая и воды минеральной ничего не хочется.

- И то верно. А ведь всё зависит не только от конструкции бани. Главное – вода с моей скважины. Помнишь, в прошлом году насос сгорел, и мы воду с озера таскали? Совсем не та баня была. От воды многое зависит...

За окном совсем стемнело. Мы распаренные и невесомые, завернувшись в простыни, побежали к дому. Володя засыпал овощи в кастрюлю, добавил несколько корешков петрушки и ещё каких-то сухих трав. Несмотря на хорошую вытяжку над плитой, по кухне распространился аппетитный аромат.

- Семён, а может, по стопочке, как в былые времена, а?

- Володя, ты что забыл наш девиз – «Забвенье в алкоголе находит только умственно отсталый человек»?

- Молодец! Это я тебя проверить решил. Да и не держу я в доме спиртного, ты же знаешь. Беда России, Сёма, не дураки и дороги, а безудержное и повальное пьянство.

Фирсов снял с плиты огромный медный чайник, ополоснул кипятком фаянсовый заварник и засыпал в него добрую горсть привезённого мной листового чая.

- Четыре минуты и наш чаёк готов. Давай хоть по кусочку изюбятинки попробуем. Зря что ли старались?

Мясо действительно было необыкновенно вкусным. Володя мычал от удовольствия, пережёвывая очередной кусок.

- «Мир до подлого материален и пребудет ещё таковым». – процитировал Фирсов видимо самого себя. – Ну как здесь на Пашку обижаться? Такую дичь подогнал – пальчики оближешь. Это он со своим приятелем из Дымовска, мишкой Здановским, браконьерничал. Так на чём я остановился?

- Про детей Гаврилова говорил, что выросли они.

- Да, конечно, времечко летит. Девчонки замуж повыходили, красавицы - все в мать, да и Пашка гусар лихой. На него и сейчас бабы глаза пялят. А тогда в девяностых...

Сергеич вышел из-за стола, прошёл в комнату к книжному стеллажу, занимающему всю стену, достал книжку в суперобложке и вернулся на место.

- Вот что пишет в предисловии к очередному Пашкиному сборнику сам Яков Петрович Гетман, крупнейший литератор Дымовской области: «Я знаю этого крепкого, красивого парня давно...» Дальше сплошная патока лести с ложью. О, как я сейчас понимаю эту крылатую фразу: «Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами!» В то время я только начинал готовить к печати свой первый сборник стихов, а Пашка издал у Чигирёва в издательстве «Скрижаль» четвертую или пятую свою книжку. Мобильников тогда ещё не было. И вот получаю я по почте приглашение на презентацию очередной Пашкиной книги стихов «Буреломы». У него эта тема почти в каждом сборнике лейтмотивом проходит. Он и пишет о том, как через буреломы пробирается по тайге, размахивая топором... Ну, думаю, надо ехать. Тем более, что начало моего отпуска совпало с презентацией Пашкиного сборника. Тогда у меня была старенькая, но надёжная «тойота». Осталось только масло перед дорогой поменять. Пока менял масло обнаружил неполадку в подвеске. Мелочь, но провозился до вечера. К Гаврилову подъехал к трём ночи. Смотрю - в летней кухне свет горит. Соседские собаки как будто ждали меня – залаяли дружно на всю округу. А шум вышла Антонина, жена Пашкина. Оказывается, она ещё спать не ложилась и к моему приезду едва успела перемыть всю посуду после вечернего банкета по поводу встречи знатных гостей. Вместе с Антониной хлопотали ещё несколько женщин из многочисленной родни Гаврилова – готовились к очередному и самому главному застолью – после презентации. Мне постелили в доме на полу. Все места повыше были заняты гостями из областного центра. Но, несмотря на дружный мужицкий храп и сивушный перегар, заснул я почти мгновенно и спал так крепко, что в полдесятого утра меня еле разбудили. Быстренько привёл себя в порядок, умылся студёной водой из рукомойника и скорей за калитку. Вижу, уважаемые гости-литераторы сидят на лавочке под черёмухой, курят. Мы познакомились. Так получилось, что как-то сразу подружился я с ответственным секретарём областной писательской организации Валентином Ивановичем Кухтой. Замечательный поэт и обаятельный человек. Переписываемся с ним до сих пор. Кроме Валентина, из всей писательской делегации запомнился мне тогда ещё один человек – Яков Петрович Гетман. Жилистый сухопарый мужчина лет 60-ти с копной седых волос. По должности - заместитель Валентина Кухты. В то утро Яков Петрович сильно страдал с похмелья, но пить в одиночку не мог. Он долго приставал ко мне с уговорами выпить за

знакомство. Наконец, среди прибывших нашлось сразу три служителя муз, пожелавших вместо утреннего кофе опрокинуть по стакану доброго первача.

Пашка Гаврилов подготовился к презентации с размахом – самогона нагнали столько, что, наверное, всю нашу Сосновку можно было упоить в усмерть. Мы с Валентином обошлись крепким чаем с ватрушками. Еле отделались от «поправлявшей здоровье» компании и пошли прогуляться по живописной Овражной улице. До торжества оставалось несколько часов.

Официальная часть презентации с телевидением и журналистами из области, цветами и здравницами в честь автора утомила не только меня. Под занавес публика залила паркет городского Дома культуры шампанским, разбила несколько фужеров «на счастье» и под звуки духового оркестра Нижнекаменской мебельной фабрики отправилась двумя автобусами к дому Гаврилова. Там уже было всё готово к приёму гостей. Лента сдвинутых к центру столов тянулась от ворот до середины сада. На белоснежных скатертях цвели салаты, мясное ассорти, маринованные и солёные грибочки, золотисто подрумяненная индюшати́на, заливная рыба и ещё много всего, чему я и названия не знаю. Внушительная батарея бутылок сверкала в лучах заходящего солнца. Кроме Пашкиного самогона, который все ласково называли «гавриловкой» стояли бутылки с дымовской водкой, известной своим отменным качеством далеко за пределами области. Вкусовые пристрастия гостей были учтены – десяток бутылок коньяка «Белый аист» украшали стол. Но что я всё-таки попробовал и оценил – это самодельное вино из местного винограда. Его даже пить необязательно, можно просто наслаждаться великолепным ароматом и созерцать необыкновенно насыщенный рубиновый цвет. Так я и просидел весь вечер до глубокой ночи, держа в руке фужер с волшебным напитком.

Всё внимание гостей было обращено к виновнику торжества и литераторам из центра, сидевшим рядом с Пашкой. Пашка сидел преисполненный гордости с довольной улыбкой на лице.

Яков Гетман похлопывал Пашу по плечу и с восторгом повторял одно и то же:

- Вот он самородок земли Российской! Самобытный талант! А корни-то, друзья, корни откуда? Не знаете? Да это ж моя родня! У нас у Гетманов в роду были Гаврилы! Я вам документально могу доказать! Подыдем бокалы за нашу молодую смену!

А между тем давно стемнело. Народ потихоньку стал расходиться. Часть столов унесли назад соседям. Стоваттная лампа с отражателем от

автомобильной фары уютно освещала середину стола, за которым остались самые стойкие. Моим собеседником был художник-график Кирилл Пинчук, оформлявший Пашке почти все сборники. Он мне рассказал, что букву «в» в конце фамилии Павла добавил переписчик метрик, а подлинная фамилия поэта не Гаврилов, а Гаврило. Пинчук, как и я, ломал голову над популярностью певца полей и пытался оправдать его творчество с точки зрения художника. Мол, течений в живописи много: супер-реалисты, авангардисты, абстракционисты, экспрессионисты, кубисты и т.д. Среди всех течений нередко встречаются художники-примитивисты. Их живопись сродни детским рисункам. Она яркая и наивная. Вот и Паша в поэзии – примитивист. Конечно, формулировка Пинчука, с одной стороны, была привлекательна, но поэзия - это не живопись. Поэзия, может быть, и должна быть глуповатой, но не глупой. Пинчук попытался сказать ещё что-то в защиту Гаврилова, цитируя раннего Заболоцкого, но здесь кто-то предложил читать стихи по кругу.

Естественно, Паша начал первым. Он неторопливо раскрыл свой сборник, дождался полной тишины, сердито глянул в мою сторону – видимо, что-то уловил из нашего разговора, и начал монотонно бубнить себе под нос:

Федот и Морфлот

*Губы мне твои шептали:
«В жёны ты меня возьмешь?»
Врал я кареглазой Тае,
Мол, возьму, коль ты так хошь.*

*А хотелось Тайке очень-
Видно было по глазам.
Бегал к ней я тёмной ночью,
Пробираясь по садам.*

*Лето быстро пролетело.
В сентябре ушёл в Морфлот.
Тая замуж так хотела...
Замуж взял её Федот.*

Яков Гетман ликовал. Опять начались здравицы в честь Пашки. Писатели стали всерьёз говорить о принятии Гаврилова в члены СП. Через полчаса вспомнили, что надо дать слово другим авторам. Дымовский поэт Егор Кузьмичёв прочитал отрывок из своей поэмы «Перестройка». Кстати, неплохая сатира на тогдашнее положение дел в стране. Валентин Иванович Кухта стал цитировать Максимилиана Волошина:

В мирах любви неверные кометы –
Закрыт нам путь проверенных орбит...

Ограничившись магистралом из венка сонетов, Кухта начал рассказывать о жизни Максимилиана Волошина в Крыму, где земля наполнена эллинизмом и развалинами Венецианских башен. Вообще, Кухта на литературных вечерах почти не читает своих стихов. Так было и на этот раз. Закончив своё странное выступление, Кухта, смущённо улыбаясь, поклонился слушателям и сел.

- Видишь, Паша, - сказал Гетман, - наш ответственный секретарь, как всегда, умничает, своего любимого Волошина читает. А мне вот не нравится Волошин. Давай-ка, Гаврилов, прочитай нам своё новенькое.

И снова Пашка долго и нудно читал свои «вирши». Что ж, это был его день. Я рассеянно слушал:

*Что с того, что я город прославил,
Свой родной Нижнекаменск в стихах?
Никогда я не думал о славе,
Да и некогда мне, я в делах.*

*Но народ понимает поэта.
Часто просят меня: «Почитай!
Без стихов нам твоих, как без света,
А наш дом без стихов, как сарай».*

*Вот поэтому я сочиняю
Для простого народа стихи.
И не надо мне славы, я знаю
Я – крестьянский поэт от сохи.*

- Молодец! – Гетман порывисто вскочил со стула, крепко обнял Пашку за шею левой рукой и, притянув к себе, поцеловал.

- Без пяти минут член СП! Вы обратили внимание, товарищи, какая открытость, искренность и самокритика?!

Все одобрительно зашумели и опрокинули ещё по одной за новоиспечённого члена Союза писателей. А я подумал, как можно было вклеить аж три буквы «я» в одну строфу? Казалось, что я присутствую на каком-то юмористическом шоу или на сатирическом спектакле. Хотелось резко встать и крикнуть: «Очнитесь! Что за бред вы несёте?!»

Наконец, настала моя очередь читать стихи. Не знаю, что меня дёрнуло, но я решил, не называя автора, прочитать одно из моих любимых стихотворений Бориса Пастернака «Гамлет». Прочитать именно так, как читал его Владимир Высоцкий – без третьей строфы. Я вышел из-за стола, облокотился на столбик невысокого крыльца летней кухни и, чеканя каждое слово, стал читать:

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далёком отголоске
Что случится на моём веку.

На меня направлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Дальше произошло непредсказуемое – мне не дали дочитать знаменитое стихотворение. Как только я произнес слова «Авва Отче, Чашу эту мимо пронеси», Яков Гетман вскочил, поднял правую руку и угрожающе прорычал:

- А вот этого нам не надо! Что вы здесь богоискательством занимаетесь? Какой ещё Авва Отче? Что вы себе, в конце концов, позволяете? Прекратить! Кто следующий? Нет никого? Паша, читай своё, порадуй душу!..

Не помню, в котором часу ночи потушили лампу над столом, и честная компания пошла отдыхать. Я почему-то удовлетворённый тем, что уважаемые члены СП приняли стихотворение Бориса Пастернака за моё, пошёл спать в свою машину, попросив у Антонины одеяло и подушку.

На следующий день проснулись только к обеду. Делегация писателей из Дымовска загружала багажники своих машин «гавриловкой» и домашним виноградным вином. Конечно же, не забыли прихватить с собой огромную подборку стихов Гаврилова. С Валентином Ивановичем мы обменялись адресами и распрощались, сердечно пожав друг другу руки.

Мне торопиться было некуда, и я остался у Пашки ещё на несколько дней. Если раньше он еще как-то прислушивался к моей критике, то после презентации встал в позу и слушать не желал никаких замечаний по поводу своего творчества. А здесь ещё Чигирёв со своей похвалой, у которого Пашка издавал книгу за книгой, как блины пёк.

Побродив по окрестностям Нижнекаменска и вдоволь надышавшись чистым воздухом голубых озёр, я возвратился домой. Представь себе моё удивление, когда через несколько дней я получил письмо от Валентина Ивановича. Он писал: «Ломаю голову и не знаю, что делать с подборкой Гаврилова. Читали всем коллективом и не нашли ни одной поэтической строки. Ты Павла знаешь не первый год. Объясни ему деликатно, что пока он ещё не созрел до членства в СП. Подборку мы ему возвращаем. Пусть работает дальше». Очнулись, значит, литераторы. На трезвую голову прочитали. Но «гавриловка» сделала своё дело. Через некоторое время Кухта оставил свой пост ответственного секретаря СП. Его сменил Яков Гетман. Павла Гаврилова приняли в Союз писателей. Вот такая история, Семён.

Фирсов встал из-за стола, налил в свою огромную кружку чай и спросил:

- Ты у меня ночуешь?

- Да, пожалуй, останусь. Скажи, Володя, как ты, ревностный служитель муз, литературный критик, находишь общий язык с откровенным профаном в поэзии?

- А мы с Пашкой на литературные темы не беседуем. Говорим о живописи, о резьбе по дереву. Недавно он мне заказал скульптуру «Девушка с кувшином». Я заморачиваться не стал – в гравюрах Доре есть интересный образ. Пашка хочет себе в кабинет поставить.

- У него дома есть кабинет?

- Зачем дома. Павел Васильевич Гаврилов теперь занимает высокую должность ответственного секретаря Нижнекаменского отделения областной писательской организации с мая месяца прошлого года.

Скульптура должна символизировать Музу поэта. Я уже работаю над заготовкой. Как закончу – покажу.

- И много посетителей бывает в кабинете ответственного секретаря? – спросил я, усмехнувшись.

- Напрасно иронизируешь, Сёма. Я прошлой осенью три часа не мог пробиться к нему в кабинет! Народу в приёмной, как к зубному врачу. Секретарша молоденькая грудью стоит возле двери в кабинет. Грудь, между прочим, у неё красивая. Моя очередь подошла к концу рабочего дня. Зашёл в кабинет, поздоровался. Пашку не узнаешь. Ладно сшитый тёмно-синий костюм, белоснежная сорочка, модный галстук. Соответственное выражение лица. «Присаживайся,- говорит, - посмотри, как лучше можно оформить мой кабинет». Вот тут и созрела у нас совместная идея поставить в углу по правую руку Павла Васильевича «девушку с кувшином».

- Послушай, Володя, у меня тоже идея созрела. Твой рассказ о Гаврилове так и просится на бумагу. А что, если я его литературно обработаю и в печать?

- Не дай Бог! Ты просто не знаешь, Семён, каким Пашка бывает в гневе! Во-первых, он мне этого не простит, а значит, изюбря ты ел в последний раз, и мне больше нечего делать в Нижнекаменске. Он же сразу догадается, что это с моей подачи написано.

-Володя, я же в корне всё поменяю, и фамилии, и место действия, оставлю только самую суть. И вообще, я не уверен, что он читает нашего «Одинокого странника».

-Дело твоё, но я бы не советовал. Хотя, валяй! Кто сейчас читает? Настало время гляцевых журналов. Горы книг на помойках. Ты знаешь, Сёма, меня даже умиляет творчество Гаврилова, его упорство и, в конце концов, достижение конечного результата. ... Ну ладно, пойдём спать. Что-то я сегодня подустал.

- Володя, можно я в баньке, как в прошлый раз, заночую?

- Иди спи. Не забудь только под голову берёзовое полено положить, как епископ Василий Кинешемский.

- Куда мне до Кинешемского, грешнику окаянному. Я полушубок возьму и одеяло на всякий случай.

Пожелав спокойной ночи, я вышел на улицу. Небо было чистым. На его чёрном бархате мерцали далёкие звёзды. В городе таких не увидишь. Где-то на другом краю деревни незлобливо брехала собака. В бане было ещё тепло. На всякий случай я закинул в топку несколько поленьев и плотно

прикрыл поддувало. По стене металась красная блики пламени, пробившиеся сквозь узкую щель печной дверцы. Со стороны железной дороги слышался шум поезда. Под этот, приглушённый расстоянием, звук я крепко заснул.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЛОББИ И КОНСЬЕРЖ-СЕРВИС ИЛИ КАК МЕНЯ ПЫТАЛИСЬ РАЗВЕСТИ ПО МОБИЛЕ

Во время Великого Поста, как правило, начинаются самые сильные искушения. К этому наблюдению можно относиться по-разному: беспокоиться ждать неприятностей, постоянно остерегаясь попасть впросак, или, не заморачиваясь особо, не заострять внимание на древнем постулате и жить в обычном ритме. Но, как любит повторять мой приятель, бывший капитан подплава: «А куда ты денешься с подводной лодки?» Что означает – чему быть того не миновать.

Искушения начались сразу после прощенного воскресенья в первую седмицу Великого поста. Участились звонки на мой мобильник. Чаще всего звонили по разным пустякам, а самое неприятное то, что звонки раздавались в самое неподходящее время, когда я находился за рулём автомобиля да ещё в сложной дорожной обстановке. Благо очередной злополучный звонок не застал меня врасплох, ибо у меня было часа три свободного времени до очередного выезда на линию, и я преспокойно читал свежий номер журнала «Фома». Моё умиротворённое чтение прервал звонок мобильного. Приятный баритон весело ошарашил:

- Привет, старик! Наконец-то дозвонился до тебя. Связь, видимо, по трассе плохая. Ну что, не ожидал? Вот в отпуск вырвался, лечу к тебе. Ты не подумай чего, я не с пустыми руками еду. Полмашины гостинцев везу. Что молчишь? Забыл, что ли, своего старого друга?

-Э-э-э... - невнятно протянул я, судорожно припоминая, кому мог принадлежать приятный баритон. – Может, вы ошиблись номером? С кем я разговариваю?

- Зачем обижаешь, дорогой? Давай вспоминай скорей, кто у тебя из старых друзей живёт в Приморье? А я пока газу прибавлю. Мне ещё часа два до тебя пилить. – Озадачил меня «старый друг».

И правда, повод для удивления был. В Приморском крае есть у меня несколько замечательных друзей и хороших знакомых. Самые близкие нередко приезжают в гости, или останавливаются у меня, когда прибывают в Хабаровский край по важным делам. В свою очередь, я каждый год во время отпуска по дороге к морю навещаю друзей, заезжая в Лесозаводск, Арсеньев, Большой Камень, Находку и Владивосток. Ещё есть знакомые в Уссурийске. Разбуди меня глубокой ночью, и я сразу узнаю голос любого из своих друзей. Но приятный баритон даже отдалённо не напоминал ни один из знакомых мне голосов. Я почему-то вспомнил о странных встречах, которые изредка происходили со мной на протяжении последних 20-ти лет. Обычно такие встречи случались в городской суете. Здоровается со мной за руку человек примерно моих лет, называет меня по имени и, как обычно,

заводит банальный разговор о житье-бытье. И всё бы хорошо, но мне до боли знакома только внешность собеседника и только. Имени его и обстоятельств, при которых пересекались наши пути, не могу вспомнить. Обычно я стараюсь побыстрее расстаться, сославшись на нехватку времени. Пожелав друг другу здоровья, мы расходимся. После таких встреч меня преследуют угрызения совести за свою несовершенную память, и неприятный осадок в душе остаётся надолго.

Мои тяжкие думы прервал очередной звонок:

- Ну что, брат, вспомнил меня? И не стыдно тебе старых друзей забывать? – В унисон моим мыслям пропел баритон.

- Простите, уважаемый. С кем я всё-таки имею честь разговаривать? – Спрашиваю я раздражённо.

- Ну, ты даёшь! Не ожидал от тебя такого, старых друзей забываешь. Мы, конечно, лет восемь с тобой не виделись, но я-то тебя помню. Давай, брат, вспоминай скорей.

Пристыжённый, начинаю вслух перечислять всех своих приморских друзей:

- Сергей у меня в Большом Камне, Анатолий там же, Валерка во Владике, Михалыч, Степан из Уссурийска. Из самых близких Володя, Санёк...

- Вот! – перебил меня «старый друг» - Наконец-то! Конечно, Санёк! Я уж думал, ты совсем память потерял. Это надо отметить. У меня здесь пара литров «Парламента» с собой есть. Скажи, я ещё по дороге хорошего чего возьму!.. – Бодрый голос не давал мне опомниться.

- Саня, послушай, не напрягайся, – пробормотал я, уступая натиску «старого друга». - Я раньше-то не пил, а сейчас вообще не употребляю. Что-то я твой голос никак узнать не могу, богатым будешь.

- Спасибо, друг! Да куда ещё богаче? Бизнес у меня процветает. А голос, так это я простыл недавно. Думаю, пару деньков у тебя отдохну, водочки с перцем жажну – как рукой снимет. Надеюсь, встретишь меня?

- Встречу, конечно. Только я сегодня на смене. Мне на выезд через час. Попрошу сына, он встретит тебя на въезде в город. У него жёлтые «Жигули».

- Добро, договорились, до встречи!

Через полчаса «приморский друг» вновь позвонил:

-Ну что, сынок твой встретит? Я уже на подходе к городу. Слушай, если ты водку не пьёшь, может, вина хорошего взять или коньяка дорогого? Надо же за встречу выпить, сколько лет не виделись!

- Нет уж, уволь. Понимаешь, Санёк, не хотел тебе говорить, но у меня печёнка конкретно пошаливать стала, на травах да на таблетках сижу.

-Ладно. Приеду, разберёмся. Я сейчас трубу бросаю, гаишники впереди. Пока. – Озабоченно произнёс Санёк.

Телефон молчал недолго. Голос «друга» сильно изменился. Веселье куда-то исчезло.

- Беда, брат, выручай! Тормознули на посту «гаеры» за телефон стали предъявлять, алкотестер сунули. Короче, влип по полной. Остаточное у меня. Я их старшему тридцатку зарядил, а он не берёт. Правильный какой-то. Выручай, дорогой!

- Чем я-то тебе могу помочь?

- Поговори с гаишником. Давай вдвоём уговорим его. Я больше могу дать. У меня валюта есть «зеленью». Поручись за меня. Скажи хоть пару слов. Я ему сейчас трубку передам.

-Погоди, а на каком посту тебя остановили?

-Да здесь недалеко, при выезде из Биробиджана. - «Проколотся» приморский друг.

-Понятно... Скажи-ка мне, Саня, твоё отчество и фамилию, а то за кого я буду просить гаишника?

- Как за кого? – Возмутился Санёк. – Савчук я, Александр Николаевич.

- А... Савчук.... – включаюсь я в навязанную мне игру, уже ни в чём не сомневаясь. – Так бы сразу и сказал, а то битых два часа голову мне морочишь. Помню я тебя, помню, Савчук Санька. Ну, давай трубку своему гаишнику.

В мобильнике что-то щёлкнуло, и зазвучал чётко поставленный самодовольный голос с командными нотками. Моё воображение рисовало сытого человека, чью плотную фигуру туго обтягивала полицейская форма:

- С вами говорит капитан полиции Кравцов Семён Петрович. Прошу вас представьтесь, чтобы я мог продолжить наш разговор.

- Здравствуйте, - в тон ему отвечаю. – Сенцов Пётр Семёнович...

Не замечая подвоха, «гаишник» продолжает:

- Так, хорошо, Пётр Степанович...

- Семёнович. – Поправляю я незадачливого «гаишника».

- Хорошо, Пётр Семёнович. Кем вам приходится задержанный с остаточным алкогольным опьянением Савчук Александр Николаевич?

- Савчук – мой старый приятель. Много лет знаю его с положительной стороны. Может быть, можно по-хорошему решить проблему?

- Вы же понимаете, Пётр Сергеевич...

- Семёнович. – Вновь поправил я «полицейского».

- Извините, Пётр Семёнович. Я обязан задержать автомобиль вашего друга и поставить его на арест площадку, а самого Савчука посадить на 15 суток. Вы же знаете, какая сейчас идёт борьба с коррупцией! Кстати, мы обследовали автомобиль Савчука. Правда, ничего запрещённого не нашли, но в машине много всяких вещей. Дорогие вещи, знаете. От продуктов питания до парфюмерии и постельного белья. Савчук говорит, что всё это

вам везёт. Я здесь весь в камерах слежения и в микрофонах, а он мне деньги суёт. Вы правильно меня поймите.

- Послушай, командир, - запросто обращаюсь я к «капитану полиции». – Неужели нельзя ничего сделать? Не бывает безвыходных ситуаций. В конце концов, можно простить человека.

- Значит так. – Голос «капитана» понизился почти до шёпота. – Помочь, конечно, можно, но при полном доверии друг к другу и без всяких там выкрутасов. Я не хочу терять свои погоны. Берите быстро ручку и записывайте... - «Гаишник» чётко продиктовал десятизначный номер. – Записали? Так, хорошо. На этот номер срочно положите 20 000 рублей, и я постараюсь решить дело в пользу вашего друга.

- Добро, командир. Только ещё одна маленькая деталь: продиктуйте, пожалуйста, номер вашего нагрудного знака.

«Капитан» был явно не готов к такому повороту дела. Забыв о камерах и микрофонах «полицейский» сорвался на крик:

- Что ещё такое? Как это понимать?! Вижу, вы не доверяете мне! Я упрячу вашего Савчука надолго. Буду действовать строго по закону. Мы ещё раз осмотрим его машину, и я не уверен, что не найдём там запрещённые предметы, такие как оружие и героин!

- Воля ваша. – Ответил я на его угрозы. – К тому же, на данный момент у меня нет таких денег, как и нет друзей, которые управляют автомобилем в алкогольном опьянении. Флаг вам в руки, действуйте по закону.

Больше телефонных звонков от «старых друзей» не поступало.

Пора было выезжать на линию. С автопарковки я выехал на трассу и включил приёмник на любимой волне «Вести FM». Диктор бодро и весело рекламировал элитное жильё в престижном районе: «...Недорого... Первый взнос всего 10 миллионов рублей! Концептуальное лобби и консьерж-сервис!»

Оставалось грустно улыбнуться и продолжить свой путь.